

DOI 10.15393/j9.art.2018.5421

УДК 821.161.1

Татьяна Александровна Богумил

(Барнаул, Российская Федерация)

tbogumil@mail.ru

Семантика Чуйского тракта в русской литературе*

Аннотация. В статье рассмотрена семантика Чуйского тракта в русской литературе, начиная от очерков В. Я. Шишкова и заканчивая текстом песни Гарика Сукачева. Наряду с В. Я. Шишковым, в чьем творчестве была задана парадигма описания Чуйского тракта, «гением места» (*genius loci*) этой дороги является В. М. Шукшин, в художественном мире которого Чуйский тракт играет значительную символическую и композиционную роль, определяет характер героев-шоферов. Семантической доминантой образа является представление о Чуйском тракте как пространстве опасном, подвергающем героев испытаниям любовью и смертью. Метафорический образ «Чуйский тракт — страна» входит в историософские модели писателей. Дорога является моделью мира в его целостной противоречивости; на тракте происходит своего рода сжимание пространства и времени, взаимоналожение культур. Базовые параметры Чуйского тракта получают индивидуальное преломление в художественных образах, созданных различными авторами XX — начала XXI в.

Ключевые слова: дорога, образ, семантика пути, В. Я. Шишков, В. М. Шукшин, С. П. Залыгин, Ю. Н. Козлов, П. Г. Низовой

Одной из основных мифологем пространственной организации мира является дорога. В мифопоэтическом прочтении она становится прежде всего моделью жизненного пути (судьбы) и пути души в загробный мир (см.: [Пропп: 172], [Невская]). Как отметил Е. М. Неёлов, «сказка заканчивается вовремя, в срок <...>, за которым волшеббно-сказочный оптимистический образ пути-дороги, дороги-жизни, переходит в символический образ дороги-смерти, характерный уже для похоронной обрядовой поэзии» [Неёлов: 114]. Это «нечистый» локус, где «свой» мир граничит с «чужим» [Левкиевская: 124] и происходят решающие встречи. В ряде фольклорных и литературных жанров хронотоп дороги определяет композицию и событийный ряд всего произведения.

Этнографические исследования показали, что семантика дороги в русской культуре сложилась в результате диалектического единства статики и динамики: «Русские — движущийся этнос с самосознанием оседлого» [Щепанская: 8]. «Культура дома» и «культура дороги» существовали по принципу взаимодополнительности и взаимоуподобления, причем дорога устойчиво представлялась «источником опасностей и угроз, антивитальных, потусторонних сил» [Щепанская: 474]. «Культура дороги» в традиционном «домоцентричном» обществе сосредоточивала «разнообразные скрытые, эзотерические и альтернативные доминирующей традиции элементы», которые актуализировались в кризисных ситуациях [Щепанская: 17–18]. Информация извне (от знахарей-пришельцев, странников-богомольцев и др.) способствовала устранению «точек дезадаптации» оседлого общества, выполняла стабилизирующую функцию. В том случае, когда кризис охватывал значительную часть социума, идеология дороги начинала доминировать, провоцируя миграции населения (поиск Беловодья или других свободных земель) [Щепанская: 475–477].

Все общие мифологические свойства дороги могут иметь специфические проявления в разных фольклорных жанрах и литературных произведениях. Наиболее существенную роль образ дороги играет в повествовательном фольклоре, поскольку главные персонажи сказок, былин, быличек — всегда герои пути [Неклюдов: 206]. В указанных жанрах движение персонажа представлено как путь, то есть реализация / нереализация дороги [Лотман: 656]. В сказке путь-дорога есть композиционный стержень повествования, модель мира и судьбы. Сказочный конец пути — свадьба — максимально воплощает народные представления о счастье, полноте реализации человеческого удела [Неёлов: 110–112, 114]. Прикосновение к потустороннему миру в сказке связано с мотивом встречи на дороге, развилке, перекрестке (функции дарения, испытания, опознавания и пр. [Пропп]), для былины и былички более характерна ситуация сопутствия и движения вослед. В разных жанрах различна степень проходимости дороги, наличие / отсутствие на ней препятствий. Эпитет «далекая», применяемый к дороге, в сказке означает «далеко ведущая», а в былине

«далеко находящаяся». Для несказочной прозы (быличка, предание) и заговоров характерны определения дороги по ее принадлежности (леший след, Государева дорога).

Мифологическое значение дороги как жизни и судьбы оказалось востребованным античной и средневековой словесностью, особенно дидактическими жанрами. Представление о перепутье и выборе из двух дорог, одна из которых широкая, легкая и — гибельная, а другая — узкая, трудная и душеспасительная, восходит к новозаветной притче о «тесных вратах» (Лк. 13:24–29) и античной традиции (Эзоп, Гесиод). В русской литературе эта мифологема присутствует, например, в рукописном «Видении о двух путях» (XVII в.), в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» (1863–1876) (см. об этом: [Неклюдов]).

В целом в литературе, начиная с XIX в., мифологема дороги претерпевает определенные трансформации, прослеженные Е. М. Неёловым: утрата системности, направленности «туда» — «обратно» и конечности, метафоризация образа «дорога — страна», расподобление «пути» и «дороги», появление проблемы выбора пути и пр. [Неёлов: 116–117]. Впрочем, отмеченные метаморфозы не отменяют возможности обращения писателей к традиционным смыслам и структурам в рамках определенного жанра (литературная сказка, научная фантастика и др.) и индивидуального авторского замысла (фольклоризация, неомифологизация).

Задача настоящей статьи — выявить мифопоэтическую семантику конкретной дороги, пролегающей в Сибири, — в пространстве, активно осваиваемом в процессе движения.

Главной дорогой Сибири уже более двух веков является самый протяженный в мире Московско-Сибирский тракт. О нем сложены легенды и предания, написаны научные исследования (см., напр.: [Катионов]). На Алтае подобной высокой значимостью обладает Чуйский тракт. В историко-географических трудах изложена история возникновения этого маршрута и его превращения из миграционной тропы эпохи палеолита в автодорогу федерального значения, описаны изменения направлений и особенности притрактовой природы и поселений [Старцев], [Подрезов]. Многочисленные

путеводители популяризовали эту информацию¹. Сведения о культурной составляющей дороги, как правило, ограничиваются рассказом о сопутствующих археологических памятниках и фольклорных преданиях, объясняющих происхождение знаковых мест вдоль тракта (г. Бабырган, оз. Ая, оз. Манжерок и пр.). Между тем практически не изученным остается семантический ореол Чуйского тракта в художественной литературе.

К началу XX в. по территории Алтая пролегалo несколько гужевых транспортных путей², но только Чуйский тракт запечатлен на литературной карте страны. Это обстоятельство связано, как минимум, с двумя *genius loci*, названными в стихотворении «На Чуйском тракте» алтайского поэта Г. П. Панова:

«Шуршанье шин. И шум вершин.
И слышится: Шишков, Шукшин.

И в том — отечественный факт
(давайте это не забудем!):
Шишков разведal Чуйский тракт,
Шукшин о нем поведал людям!»³

Соответствие имен писателей и звуков дороги для поэта, чувствительного к фонетическому уровню языка, оказалось глубинным резонансом, подтверждающим очевидную фактологическую связь В. Я. Шишкова и В. М. Шукшина с трактом.

Стоит отметить, что для самого Шишкова знаковыми лицами Чуйского тракта были посредники между русской и алтайской культурами [Маркина: 320]: художник Г. И. Гуркин, этнограф Г. Н. Потанин, ботаник и географ В. В. Сапожников, писатели Г. Д. Гребенщиков и Г. А. Вяткин⁴. Тем не менее только Шишков и Шукшин получили «прописку» на тракте: primero здесь установлен памятник (с. Манжерок), в честь второго — мемориальный музей (с. Сростки). Это закономерно, поскольку первый задал парадигму описания Чуйского тракта в литературе, а второй — не просто существенно дополнил художественную традицию, но и выстроил систему мотивов и образов, связанных с родной дорогой.

Изучение Чуйского тракта имеет долгую и плодотворную историю. Первое художественное слово о нем произнес

Шишков в путевых очерках «По Чуйскому тракту» (1914) и цикле рассказов «Чуйские были» (1918), задавших основные векторы моделирования образа. Эти тексты были созданы на основе впечатлений от экспедиции 1913–1914 гг. по изысканию оптимального маршрута тракта, которой руководил инженер и будущий писатель Шишков. В своих травелогах⁵ Шишков, с одной стороны, запечатлевает «быт в его плотной и густой материальности» [Яновский: 19], постигает и закрепляет образы «инога» (коренных народностей, русских сибиряков и переселенцев), обнажая безобразные стороны жизни. С другой стороны, творческий метод Шишкова шире приписанных ему советским критиком рамок «обличительного» и «безысходного» реализма [Яновский: 21]. Современный взгляд на прозу писателя усматривает в ней духовное начало. Это реализм «с элементами романтизма, глубоким психологизмом, религиозно-философским осмыслением бытия и патристической направленностью» [Редькин: 10]. Так, теологические установки художественной путевой прозы В. Я. Шишкова наиболее отчетливо проявились в рассказе «Алые сугробы» (1925), где два крестьянина отправляются на поиски Беловодья. Часть их маршрута совпадает с Чуйским трактом: «Езжайте прямым трактом в Онгудай...», — советует «самоходам» сибиряк-чалдон (344).

В очерках «По Чуйскому тракту» повествование строится на романтических контрастах «далеко / близко», «природное / социальное» с положительной оценкой первого элемента оппозиций. Внутри социального мира со- и противопоставлены Русь и Орда. Различны они укладом быта, схожи — социальной дифференциацией на угнетателей и угнетенных. Определение, данное тракту писателем, — «многогрешный и многострадальный» (143) — стало одной из семантических доминант данного художественного образа. Связана эта характеристика, во-первых, с реальными трудностями пути: «...подъемы крутые, повороты невозможные, грязь» (143); во-вторых, с разбоем на дорогах: «А тут ямщика одного кончили» (143). В-третьих, следует учитывать традиционное для «домоцентричного» русского этноса представление о дороге

как пространстве дезорганизации, беспорядка, аномалии, небытия, смерти [Щепанская: 35–37].

Следуя сложившейся к середине XIX в. традиции, Шишков прибегает к метафорическому образу дороги как индивидуального и общественного жизненного пути («дорога — образ жизни», «дорога — страна»). Еще в начале цикла намечается тема утраты верного направления, созвучная знаменитому гоголевскому вопрошанию о «птице-тройке»:

«Издали кажется, что нет пути вперед, что ямщик с дороги сбился, не туда несут кони. Кругом горы. Куда ж пойдет дорога?» (146).

Последние строки цикла однозначно утверждают:

«Но как может знать лошадь, куда ей идти, если заблудились при постройке сами строители, проводят тракт не там, где нужно» (178).

Гоголевская реминисценция переводит рассуждения инженера о неудачности трассы в область раздумий о судьбах страны, о духовном заблуждении. Далеко не случайно писатель начинает последний очерк цитатой изречения, нацарапанного на вершинном придорожном столбе перевала Чике-Таман: «Ета не Чекетаман, а черт-атаман, сорок восемь грехов» (177).

Восходящее движение по Чуйскому тракту, как справедливо отмечает П. В. Маркина, не оправдывает ожиданий, связанных с положительными коннотациями подъема как святости и чистоты, — напротив, подъем по дороге сопровождается падением нравов, умалением духовности [Маркина: 318, 322]⁶. Многочисленные повороты, перепады высот перевала, ограниченная видимость и потеря ориентации в традиционном сознании мифологизируются и могут осмысляться как негативное управление человеком, навязанное искривленным пространством, «страшное» место [Щепанская: 245–246].

Рассказчик проводит аналогию между Чике-Таманом и колокольней Ивана Великого, связанную, на первый взгляд, только с природными характеристиками перевала, его высотой («неразумная природа так ухитрилась поставить» (176)). Однако в отмеченной параллели можно усмотреть историософскую идею. Истоки нынешнего социального неблагополучия коренятся в толще времен, в политике «собирания земель»,

начатой русскими при Иване III Великом. Симпатии автора к коренному населению Алтая то и дело проскальзывают в стремящемся к объективности повествовании: «Сорок племен угнетающий / Сердитый русский народ» (166), — поют бурханисты. В «Чуйских былях» это выражено более определенно:

«Весь бы этот тракт серебром можно вымостить да золотом, что загребли-захапали купцы у алтайцев и монголов.

Весь бы тракт можно слезами залить, что сочились из узких глаз полудиках, с чистой душой кочевников; такой большой обидой и горем наделил их русский неистовый, алчный хищник» (234).

Название тракта привязывает его к водной артерии — реке Чуе⁷. Гидроним переводится с тибетского как «вода», «река», «главная река» [Молчанова: 346]. На лексическом уровне происходит, по сути, отождествление дороги и реки (Чуйский = водный тракт). Развивая интерпретацию Шишкова, можно было бы назвать Чуйский путь «слезным трактом».

Современный Чуйский тракт входит в состав автомобильной дороги федерального значения «Новосибирск — Ярантай». У Шишкова речь идет о «старом» Чуйском тракте, проходящем от г. Бийска до границы с Монголией по левому берегу Катуня через села Смоленское и Алтайское. В 1916 г., проанализировав материалы экспедиции по изысканию наилучшего маршрута тракта, Шишков предложил три варианта: прежний (левобережный) и два новых (вдоль Катуня и правобережный, который в итоге выбрали). Обстоятельства времени — революция, гражданская война — отсрочили начало воплощения проекта до 1926 г. Тракт изменил направление, но семантический ореол остался прежним — «многогрешный и многострадальный» путь. Эта семантика образа тракта, заданная Шишковым, была поддержана в литературе начала XX в.

В повести о событиях гражданской войны П. Г. Низового «В горах Алтая» (1925) подхватывается и усиливается ассоциация тракта с рекой слез. В главе с говорящим названием «Кровавый поток» отступление армии Колчака описывается так:

«Это была последняя волна разбитой и разбросанной колчаковской армии. Жуткая и безобразная. Катилась она вглубь гор по Чуйскому тракту, к границе Монголии. <...>

В это русло с обеих сторон стремительно вливались десятки мелких потоков: остатки карательных отрядов, сельская милиция, и все те, кому страшен был народный гнев» (ОА 3, 266).

В позднейшей повести Ю. Н. Козлова «Белый Бом»⁹, также посвященной гражданской войне на Алтае, Чуйский тракт по-прежнему остается смертельным пространством, — только опасность исходит от людей, возможно, устроивших засаду на красноармейцев:

«Длинный тракт. Шестьсот верст. Четыре перевала, сорок бомов, три по сорок черных теснин. Каждая верста против тебя» (ОА 5, 91).

Итак, древнее, универсальное для русской культуры восприятие дороги как зоны насилия, где путнику надо всегда быть готовым к нападению и отпору [Щепанская: 291], проявляется в различных авторских образах Чуйского тракта, наполняясь конкретно-историческим содержанием (разбой на дорогах, гражданская война).

Другой семантический пласт Чуйского тракта вырастает из представления, что любой путь — это мир в миниатюре. Дорога включает в себя различные территории и времена, что неоднократно становилось предметом рефлексий писателей. Так, С. П. Залыгин в романе «Тропы Алтая» (1959–1961) восхищается:

«Каждый, кто проедет Чуйским трактом с севера на юг, увидит в этой стране под названием Горный Алтай множество других стран...

Увидит мягкие очертания невысоких, сглаженных гор — и вдруг узнает Южный Урал...

Увидит Семинский перевал — и подумает, что это Саяны.

Перевал Чикитаман (sic!), а вскоре за ним бомы вдоль Катуня напомнят путешественнику Кавказ...

В устье Чуи промелькнет перед ним картина из предгорий Копет-Дага (sic!), Курайская степь возникнет вдруг, как будто кто-то перенес сюда пейзаж Хакасии, а степь Чуйская — это пустыня Гоби в миниатюре» (ОА 4, 349–350).

Далее Залыгин рассуждает о метаморфозах календарного времени:

«Миновали Семинский перевал. Там, на высоте, была уже зима, снег покрыл тундровую растительность и деревья тонким блестящим налетом. Когда спустились в деревню Топучую, зима кончилась, но и здесь все дышало воздухом глубокой осени...» (ОА 4, 350).

Здесь он невольно вторит Шишкову, более века тому назад заметившему:

«Что за Алтай, что за страна сюрпризов! Вечером туча зашла, засияла молния, гром загрохотал. На другой день хиус подул, холоду нагнал, на третий день, 16 сентября, из Топучей в Шелаболиху я приехал на санях, зима была. А потом <в Онгуде> опять лето настало, теплое, бабье лето» (175–176).

Исторические события, происходившие на Чуйском тракте, зафиксированы археологическими артефактами, мемориальными знаками, а на словесном уровне — в легендах, преданиях и художественных произведениях. Путник волей-неволей соотносит современность с древностью, увидев вербальный, а чаще — невербальный «текст». В повести «Белый Бом» отряд красноармейцев проходит мимо отвесной скалы, которая «мрачнела на фоне веселой зелени, как надгробие» (ОА 5, 98). Герой-алтаец рассказывает предание, связанное с Писаной горой, или Бичекту-Кая. Много веков назад ходил чуйской тропой монгольский царь Санака, грабил и убивал народ. Наконец, у бомов Бичекту-Кая и Бозоголу алтайцы устроили укрепления. Не смогло войско монголов преодолеть их, разделилось и пошло в обход, да по пути часть была разбита, а часть замерзла в снежной буре. Уходя, предводитель начертал на скале: «Я здесь был» и «Я приду» (ОА 5, 98–99). Красноармейцы ожидаемо воспринимают «сказку» как намек: «Угрюмое место. Дорожка тоже. Как бы и нам не пришлось оставить здесь свои подписи» (ОА 5, 99). Учитывая, что далее по тракту, у Белого Бома, отряд ожидает засада, которая по воле случая расстреляет другой отряд (реальный факт), опасения были не напрасны. Времена меняются, а инвариант событий — нет.

С особой пронизательностью это прочувствовал Н. М. Рубцов, посетивший Алтай в 1966 г. В стихотворении «Старая дорога» (1966), которое рождалось на Чуйском тракте (см. об этом подробнее: [Пантюхов: 58]), есть такие строки:

«Всё облака над ней,
всё облака...
В пыли веков мгновенны и незримы,
Идут по ней, как прежде, пилигримы,
и машет им прощальная рука. <...>
Так полюбил я древние дороги
И голубые
вечности глаза! <...>
Душа, как лист, звенит, перекликаясь
Со всей звенящей солнечной листвой,
Перекликаясь с теми, кто прошел,
Перекликаясь с теми, кто проходит...» (ОА 4, 511).

Как видим, образ старой дороги (Чуйского тракта) раскрывает культурфилософию Н. Рубцова, согласно которой история оказывается видимостью, подобна преходящим изменчивым облакам, скрывающим единое — вечность.

Чуйский тракт — не только спрессованное пространство и время (календарное, историческое), но и своего рода палимпсест, текст, сквозь который «чужое слово проступает» (А. А. Ахматова). Как писал С. П. Залыгин, «давным-давно исхожены все тропы на обетованной земле. Пусть известна горькая правда — путешествие ничто не изменит на географической карте, не укажет новых троп, не откроет ничего нового в природе, — пусть так <...>. Быть может, счастливцу, который пройдет этими же путями много-много лет спустя, более зоркому и внимательному, чем ты, все-таки пригодятся твои глаза, твой слух, твои мысли, и он откроет то, что не дано было открыть тебе» (ОА 4, 27). Писатель размышляет о диалектике встреч, знакомств и одиночества в пути (ОА 4, 28); о появлении прозвищ, а стало быть, новых обертонов личности в условиях дорожного существования (ОА 4, 40); о законах жизни, диктуемых трассой: «Законов и правил для него, кажется, никаких не существовало, кроме одного: на дороге выручать своего брата шофера» (ОА 4, 56). В художественном мире Залыгина тракт ассоциируется с надежностью

(ОА 4, 82), возможностью спасительного бегства от людей и от чувства вины: «На тракте она сядет в первую же машину и уедет в Бийск. Что будет дальше — безразлично» (ОА 4, 225). Тракт в мифопоэтической традиции аналогичен жизненному пути, поэтому закономерны мысли героя о придорожных столбиках:

«Столбики эти не отмечали ни населенных пунктов, ни километров — они ограждали путь, но Рязанцев подумал, что, может быть, какой-то из них вот сейчас отметил половину его жизни» (ОА 4, 352).

Отсутствие прагматической функции вещи позволяет наделить ее функцией семиотической: ничего не значащий столб в субъективном восприятии становится символом жизненного рубежа. Путешествие меняет человека, его систему ценностей, даже географические координаты: «Давно заметил Рязанцев, насколько условны такие понятия, как “центр”, “большой город”, “столица»» (ОА 4, 115). И вот скромный Горно-Алтайск вырастает до статуса Москвы, а «маленькое», «далекое», «затерянное» село Онгудай оказывается центром пересечения транспортных потоков из России в Монголию и обратно. Тем самым Залыгин обозначил очень важные моменты, связанные с идеей путешествия в целом и семантикой Чуйского тракта в частности.

Но все-таки новое веское слово о Чуйском тракте сказал уроженец расположенного на нем села Сростки В. М. Шукшин. Давно известно, что в художественном пространстве писателя Чуйский тракт, наравне с рекой Катунь, является главной артерией. Замечено, что созданный Шукшиным мир практически полностью уместается в границах одной деревни [Горн: 206], хотя сам автор в интервью «От прозы к фильму» отрицал подобную трактовку: «Почему я не сделал всех этих “Странных людей” жителями одной деревни? Чего, казалось бы, проще: поселить их на одной улице <...>. Ведь не случайно же возник Чуйский тракт, по которому ехал от села к селу, от встречи к встрече Пашка Колокольников?!»⁹. Тем самым тракт «вытягивает» точечное пространство в линию, играет важную

композиционную роль, «нанизывая» села-встречи-тексты на единую нить, образуя целостную эпическую картину мира.

Шукшин первым из писателей сформулировал семантику Чуйского тракта в предисловии к киноповести «Живет такой парень» (экранизована в 1964 г.), обозначив ведущие мотивы, связанные с этим образом:

1) сходство с рекой («Есть на Алтае тракт — Чуйский. <...> И еще есть река на Алтае — Катунь. <...> И вот несутся они в горах рядом — река и тракт. Когда глядишь на них, думается почему-то, что это брат и сестра, или что это — влюбленные, или что это, наоборот, ненавидящие друг друга Он и Она, но за какие-то грехи тяжкие заколдованы злой силой быть вечно вместе...»);

2) искушающее сочетание красоты и опасности высоты, вызывающее в человеке авантюризм («Красивая, стремительная дорога — как след бича, стеганувшего по горам¹⁰. <...> Он (тракт) манит к себе, соблазняет молодые души опасным ремеслом, сказками, дивной красотой. Стоит разок проехать от Бийска до Ини хотя бы, заглянуть вниз с перевала Чике-таман (Чик-атаман, как зовут его шоферы) — и жутковато станет, и снова потянет превозмочь страх и увидеть утреннюю нагую красоту гор, почувствовать кожей целебную прохладу поднебесной выси...»);

3) творчество («Много всякой всячины рассказывается, поется, выдумывается о нем. <...> все легенды — всё с Чуйского тракта»);

4) особый тип героя дороги («Все удалые молодцы, все головорезы былых лет <...> — всё с Чуйского тракта. <...> Такой суровый и такой рабочий тракт не мог не продиктовать людям свои законы. Законы эти просты: Помогите товарищу в беде. Не ловчи за счет другого. Не трепись — делай. Помяни добрым словом хорошего человека. Немного. Но они неумолимы. И они-то определяют характеры людей. И они определяют отношения между ними») (1, 272–273).

Естественно, эти мотивы достаточно традиционны, разрабатывались писателями и до Шукшина, однако в его художественных произведениях обозначенные смыслы приобретают индивидуально-авторский колорит, дополняются

обертонами, возникающими за пределами авторской рефлексии. В наибольшей степени оригинальность писателя проявилась в образе героя-шофера, сформированного Чуйским трактом (см. подробнее: [Богумил: 26–31]).

Хронотоп дороги требует персонажа, склонного к любовным и героическим авантюрам, что особо наглядно представлено в тексте песни «Есть по Чуйскому тракту дорога...» (слова С. Михеева, музыка в обработке композитора П. Чекалова), ставшей фольклорной в конце 1930-х годов (в фильме «Живет такой парень» звучит мелодия этой песни). Судьба героев решается в типичном для русского жестокого романа мелодраматическом ключе: погоня водителя трехтонной АМО за управляющей «зеленым фордом» любимой девушкой оборачивается его гибелью. Таким образом, в народном сознании закрепились связь любви и смерти с пространством Чуйского тракта¹¹. Показателен в этом отношении сон Пашки Колокольникова о встрече на тракте с голой женщиной, которая просит привезти себе белой материи¹². В отличие от народной трактовки такой встречи как предвестия смерти (рассказанной в киноповести герою бабкой Марфой), в подсознании героя она переосмысливается и символизирует любовь и жизнь.

Преодоление смерти жизнью прочитывается также и в рассказе Шукшина «Чужие» (1974) — истории про подаяние ребятами «пятка» яичек сиблаговцам (заключенным сибирских лагерей), строившим Чуйский тракт в 1930-е гг. (7, 113). Помимо того, что это сытная еда, несомненно необходимая работавшим в тяжелейших условиях заключенным, яйцо еще и символ возрождения. Мотив смертельного преследования организует сюжет рассказа «Рыжий» (1974), написанного на основе детских воспоминаний автора. Рыжий, в машине которого ехал мальчик Вася, не прощает нахальства «встречного дурака», задевшего его машину, и пытается проучить, догнав обидчика. В глазах мальчика этот поступок выглядит героическим. За «документально-биографическим», по определению Шукшина, планом (7, 276) кроются, впрочем, ритуальные схемы. Во-первых, к хронотопу дороги приурочена ситуация поединка [Щепанская: 220], во-вторых, — инициации, «в-смерти-рождения». Рыжий шофер в этом контексте прочитывается как знающий дорогу, своего рода проводник

души юноши через символическую смерть к новому уровню развития. Итак, традиционное представление о дороге как о гибельном пространстве Шукшин раскрывает через повествование о постройке Чуйского тракта заключенными-сиблаговцами и описание возможной смертельной аварии, используя важную идею — преодоление смерти жизнью.

Герой-шофер часто напевает. Песня и тракт для Шукшина были нераздельны. Неслучайно жестокий романс «Есть по Чуйскому тракту дорога...» сопутствовал видеоряду фильма «Живет такой парень». Титры фильма «Печки-лавочки» по отклоненному цензурой замыслу режиссера должны были сопровождаться игрой и пением частушек Феде-балалаечника, бродяги-песенника с Чуйского тракта (9, 127–128). Песня, дорога и река тождественны в своем метафорическом прочтении как образ судьбы, жизненного пути.

«Шукшинский герой — это, как правило, человек пути», — отмечает А. И. Куляпин [Куляпин, 2016: 84]. Именно он «настоящему близок Шукшину, который осмыслил свою жизнь в категориях пути» [Скубач: 56]. Нам уже приходилось писать о своеобразной, не подкрепленной реальной этимологией трактовке Шукшиным имени своего отца как «путевой», интерпретированной нами как аналогия Макар-Одиссей [Богутил: 71]. Дорога (жизни) создает человека под стать себе по архаичным лекалам. Характеристики шукшинского персонажа пути — шофера (ловкость, плутовство, вранье, авантюризм, способность видеть пророческие сны, творческое начало) типологически близки качествам древнегреческого бога-трикстера — Гермеса, прадеда хитроумного Одиссея, изобретателя лиры, покровителя путешественников и воров, насылателя снов и проводника душ.

Чуйский тракт в русской литературе был описан как торговая гужевая дорога (В. Я. Шишков), маршрут ухода в Беловодье (он же), территория бегства / преследования во времена гражданской войны (П. Г. Низовой, Ю. Я. Козлов), автомобильная дорога, соединяющая села и рождающая героя пути — шофера (В. М. Шукшин). В творчестве И. А. Ефремова («Озеро горных духов», 1944) и С. П. Залыгина («Тропы Алтая») тракт связан, прежде всего, с геологическими и ботаническими разысканиями.

Еще одно «амплуа» Чуйского тракта — скотопрогонный путь — в центре внимания рассказа М. И. Веллера «Конь на

один перегон» (1983). В сезон 1976 г. начинающий автор работал перегонщиком лошадей на Чуйском тракте. Бытовая сцена укрощения коня, представленная в рассказе, скрывает мощный историко-культурный подтекст, одним из ключей к которому оказывается тракт как материализованная память. Действие рассказа происходит в долине реки Юстыд, известной археологическими артефактами (скифские курганы, наскальные росписи). Тем самым поединок героя с монгольским конем спроецирован на древние времена. Одновременно актуализированы современные аллюзии на американский вестерн [Марьян]. Направление пути из Монголии в Бийск согласно сложившейся традиции путешествия по Чуйскому тракту (от Бийска к Монголии) имеет «возвратный» характер и семантику подведения итогов¹³. Какие же итоги подводит М. И. Веллер? По мнению А. И. Куляпина, мотив укрощения коня появляется на излете советской эпохи далеко не случайно. Он имеет давнюю традицию и связан с мотивом завоевания царства (Александром Македонским, Вещим Олегом, Батыем, Петром I, блоковскими «скифами»). Прогнозируемая смерть животного на скотобойне в конечной точке маршрута делает иллюзорными шансы освободившегося зэка Сиверина (своего рода «двойника коня») на нормальную жизнь, одновременно предсказывая крах Советской империи [Куляпин, 2013]. Здесь, как и у В. Я. Шишкова, путешествие по Чуйскому тракту стимулирует появление историософских идей о судьбе страны.

Последним к настоящему моменту ярким текстом о Чуйском тракте является песня Гарика Сукачева “Chuya highway” (2017, на англ. яз.). На песню был снят клип, кроме того, она стала саундтреком к документальному фильму «То, что во мне» (2017), режиссер и исполнитель главной роли в котором — сам Сукачев. Это роуд-муви о мотопутешествии по Чуйскому тракту до границы с Монголией¹⁴. В тексте песни Чуйский тракт объявляется «the best», даже по сравнению со знаменитой американской «Матерью Дорог» — «Route 66»¹⁵. Отправляясь в дорогу, человек выключается из системы социальных связей: лирический герой прощается с родителями, сестрой, возлюбленной. Песня в полной мере воплощает «трассное мироощущение» (термин Т. Б. Щепанской), характерное для субкультуры байкеров, и привлекательное современному человеку (идеология странничества вышла из тени «домоцентризма» [Щепанская: 22]).

Образ Чуйского тракта в русской литературе XX — начала XXI в. имеет константные составляющие, впервые системно воплощенные в травелоге и цикле рассказов раннего В. Я. Шишкова. Семантической доминантой образа является представление о Чуйском тракте как о пространстве греха, преступления, страдания, смерти (однако не исключающем и возможность подвига), метафорически отождествленном с «рекой слез», в литературе о гражданской войне — с «рекой крови», а также с государственной системой. Последнее порождает индивидуально-авторские историософские модели.

Чуйский тракт есть образ мира в сжатом виде: «спрессованное» пространство, календарное и историческое время, культурная память. В литературе середины XX в. опасность тракта связывается, в первую очередь, с аварийностью. Авантюрная доминанта образа дополняется любовной и творческой составляющей. В прозе В. М. Шукшина Чуйский тракт, подобно образу дороги в сказке и былине, часто выполняет композиционную роль, оказывается сюжетным стержнем, на который нанизаны решающие события жизни героя пути. Базовые характеристики Чуйского тракта получают индивидуальное преломление в художественных произведениях, созданных авторами XX — начала XXI в.

Примечания

* Исследование выполнено в рамках научного проекта РФФИ и Министерства образования и науки Алтайского края № 18-412-220004 «Алтай в отечественной литературе XX-XXI вв.: культурно-туристический потенциал».

- ¹ См., напр.: Гармс О. Путешествие по Чуйскому тракту: неизведанный Алтай: путеводитель. Барнаул: [б. и.], 2009. 142 с.; Грехова Е. А. Чуйский тракт до монгольской границы: историко-краеведческий очерк. Бийск: [б. и.], 2006. 99 с.; Кислицын В. Н., Малолетко А. М. Чуйский тракт. Времена. Имена. Барнаул: [б. и.], 2013. 87 с.; Сарычева Т. Путешествие по Чуйскому тракту: путеводитель. Горно-Алтайск: [б. и.], 2001. 76 с.
- ² В статье Ф. Н. Белявского и В. П. Семенова-Тян-Шанского «Русский Алтай» (1907) названы Барнаульско-Кузнецко-Томский, Кузнецко-Бийский, Барнаульско-Змеиногорский, Бийско-Змеиногорский, Барнаульско-Бийский, Змеиногорско-Семипалатинский, Бийско-Усть-Каменогорский, Уймонский и Чуйский тракты [Белявский, Семенов-Тян-Шанский: 372].

- ³ Образ Алтая в русской литературе: антология: в 5 т. / под общ. ред. А. И. Куляпина. Барнаул: ИД «Барнаул», 2012. Т. 5. С. 56. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения ОА и указанием тома и страницы в круглых скобках.
- ⁴ Шишков В. Я. Чуйские были: роман, очерки, рассказы. Барнаул: Алт. кн. изд., 1986. С. 150–151. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.
- ⁵ Под «травелогом» понимается «не только документальный рассказ о поездке, экспедиции, исследовании, но повествование, подкрепленное историческими свидетельствами (зарисовками, картами), не чуждое сопоставительного анализа (что было на территории в прошлом, что теперь) и рефлексии пишущего (ожидания и увиденная реальность). Помимо физического перемещения тела в пространстве, этот жанр предполагает и метафизическое путешествие, в финале которого происходит если не взросление, то, как минимум, умудрение (как повествователя, так и читателя)» [Бондарева].
- ⁶ Ср. с наблюдением А. Е. Новоселова о гибельной роли другого тракта для жителей села Шемонаихе Змеиногорского уезда Томской губернии (ныне город в Восточном Казахстане): «Тракт сделал свое дело и в области нравственности. Молодежь не только поголовно курит, что для истинного старообрядца великий грех, но поголовно пьет» («У старообрядцев Алтая», 1913 — ОА 2, 63).
- ⁷ Начиная с древнейших времен направления дорог задавали реки, по верх которых (зимой) и вдоль которых (летом) прокладывался путь [Щепанская: 62]. Исторический Чуйский тракт идет вдоль рек Катунь и Чуя (правый приток Катунь). В Чуйской степи происходил обмен товарами между русскими и монголами, что стало причиной развития Чуйского торгового пути, а также появления его названия.
- ⁸ Впервые сокращенный вариант повести опубликован в 1972 г., более полный — в 1976 г., окончательный — в 1978 г. (ОА 5, 466).
- ⁹ Шукшин В. М. Собр. соч.: в 9 т. Барнаул : ИД «Барнаул», 2014. Т. 8. С. 117. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием тома и страницы в круглых скобках.
- ¹⁰ Возможно, здесь Шукшин цитирует Шишкова. Ср.: «Эх, да как стегнула по Алтаю Чуя, священная река» (233). В любом случае, единая образность по отношению к реке и дороге лишней раз подтверждает их семантическое тождество. Добавим, что плеть, связанная с тематикой битвы, насилия, наказания, власти, но и (само)защиты является постоянным атрибутом снаряжения путника и, стало быть, дороги [Щепанская: 136].
- ¹¹ Аналогичные мотивы, но в редуцированном виде, присутствуют в рассказе Г. А. Горышина «Есть по Чуйскому тракту дорога...» (1957): связь дороги с одноименной песней и творчеством (герои-ремонтники пишут прозу), а также нереализованный любовный треугольник, потенциально чреватый смертью (Горышин Г. «Есть по Чуйскому тракту дорога...» // Аврора. 1990. № 8. С. 23–35).

- ¹² Аллюзия на распространенные в фольклоре рассказы о встречах пьяных с женщиной в белом — «дорожницей» [Щепанская: 331].
- ¹³ Этот смысл более очевиден в упомянутых текстах об экспедициях, где в город везутся результаты исследовательской работы. Так, у И. А. Ефремова читаем: «Добравшись до Онгудая, я отправил в Бийск своего помощника с коллекциями и снаряжением» (ОА 3, 380).
- ¹⁴ Наложение американизированного рок-н-рольного звучания песни Сукачева на природный и стилизованный под алтайскую древность видеоряд довольно эклектично. Впрочем, сама идея Алтая как аналога США не нова, она активно культивировалась еще сибирскими областниками Г. Н. Потаниным, Н. М. Ядринцевым и младообластником Г. Д. Гребенщиковым. Байкер в новом историческом и культурном контексте сменяет главного героя пути — шофера.
- ¹⁵ Как и о Чуйском тракте, о «Главной улице Америки» существует песня. Хит «Get Your Kicks on Route 66» (1946) многократно исполнялся в различных версиях — от джаза до рок-н-рола и электро-рока.

Список литературы

1. Белявский Ф. Н., Семенов-Тян-Шанский В. П. Русский Алтай // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII — начала XX веков / сост. и отв. ред. В. А. Скубневский. — Барнаул, 2005. — Т. 1. — С. 372–434.
2. Богумил Т. А., Куляпин А. И., Худенко Е. А. Геопоэтика В. М. Шукшина. — Барнаул: АлтГПУ, 2017. — 176 с.
3. Бондарева А. Литература скитаний // Октябрь. — 2012. — № 7 [Электронный ресурс]. — URL: <http://magazines.russ.ru/october/2012/7/bo18.html> (10.05.2018).
4. Горн В. Ф. Характеры Василия Шукшина. — Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1981. — 247 с.
5. Катионов О. Н. Московско-Сибирский тракт и его жители в XVII—XIX вв. — Новосибирск: НГПУ, 2004. — 568 с.
6. Куляпин А. И. Мотив укрощения дикого коня в русской литературе XX века // Русская словесность в России и Казахстане: аспекты интеграции. — Барнаул: АлтГПУ, 2013. — С. 286–291.
7. Куляпин А. И. Семиотика художественного пространства В. М. Шукшина. — Барнаул: АлтГПУ, 2016. — 160 с.
8. Левкиевская Е. Е. Дорога // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. — М.: Международные отношения, 1999. — Т. 2. — С. 124–129.
9. Лотман Ю. М. Художественное пространство в прозе Н. В. Гоголя // Лотман Ю. М. О русской литературе. — СПб.: Искусство-СПб, 1997. — С. 621–658.
10. Маркина П. В. Мифопоэтика путевых очерков В. Я. Шишкова «По Чуйскому тракту» // Русистика и современность: в 2 т. — Астана: ЕНУ им. Л. Н. Гумилева, 2016. — Т. 2. — С. 318–323.

11. Марьин Д. В. Жанровые элементы вестерна в «алтайских» рассказах М. И. Веллера // Сибирский филологический журнал. — 2017. — № 4. — С. 135–141. DOI 10.17223/18137083/61/12.
12. Молчанова О. Т. Топонимический словарь Горного Алтая. — Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во., 1979. — 395 с.
13. Невская Л. Г. Семантика дороги и смежных представлений в погребальном фольклоре // Структура текста. — М., 1980. — С. 228–239.
14. Неёлов Е. М. Волшебно-сказочные корни научной фантастики. — Л.: ЛГУ, 1986. — 200 с.
15. Неклюдов С. Ю. Движение и дорога в фольклоре // Die Welt der Slaven. Internationale Halbjahresschrift für Slavistik. Jahrgang LII, 2. Reiseriten — Reiserouten in der russischen Kultur. — München: Verlag Otto Sagner, 2007. — S. 206–222.
16. Пантюхов И. Прежде всего он был поэтом...: интервью // Алтайское лето поэта Николая Рубцова. — Барнаул, 2011. — С. 56–60.
17. Подрезов М. В. История Чуйского тракта: обзор основной литературы // Вестник Томского государственного университета. — 2017. — № 414. — С. 103–107.
18. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. — М.: Лабиринт, 2000. — 336 с.
19. Редькин В. А. Вячеслав Шишков: новый взгляд: очерк творчества В. Я. Шишкова. — Тверь: Тверское областное книжно-журнальное изд-во, 1999. — 152 с.
20. Скубач О. А. К семантике образа героя-путешественника в произведениях В. М. Шукшина // Творчество В. М. Шукшина как целостность. — Барнаул, 1998. — С. 55–59.
21. Старцев А. Есть над Чуйей-рекою дорога... // Чуйский тракт. — 2006. — № 1. — С. 8–11.
22. Шепанская Т. Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. — М.: Индрик, 2003. — 528 с.
23. Яновский Н. Н. Вячеслав Шишков: очерк творчества. — М.: Худож. лит., 1984. — 270 с.

Информация об авторе: *Богумил Татьяна Александровна* — кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Алтайского государственного педагогического университета.

Дата поступления в редакцию: 04.07.2018

Дата публикации: 01.10.2018

Tatiana A. Bogumil

(Barnaul, Russian Federation)

tbogumil@mail.ru

The Semantology of the Chuya Highway in Russian Literature

Acknowledgements: The article was written with the support of Russian Foundation for Basic Research (RFBR) and the Government of Altai territory grant no. 18-412-220004 “Altai in the Domestic Literature of the 20th-21st Centuries: Cultural and Tourist Potential”.

Abstract. The article deals with the issue of the semantology of the Chuya highway in Russian fiction starting with V. Ya. Shishkov’s essays and finishing with the song of Garik Sukachov. Along with V. Ya. Shishkov, who determined the paradigm of the description the Chuya highway, V. M. Shukshin is considered to be the genius loci of this road. The Chuya highway plays a significant symbolic and compositional role in his artistic world, it determines the temper of the heroes-drivers. The semantic dominant of the image is the idea of the Chuya highway as a dangerous space, which tests a person for love and death. The metaphorical image of the “Chuya highway as a country” forms a part of the writers’ historiosophical models. The road, along with the song and the river, is a model of the world in its holistic contradiction. Space and time happen to tighten on the road and the cultures interpenetrate. The basic features of the road are individually refracted in artistic images, created by various authors of the 20th — early 21st centuries.

Keywords: road, image, semantic, V. Ya. Shishkov, V. M. Shukshin, S. P. Zalygin, Yu. N. Kozlov, P. G. Nizovoy

References

1. Belyavskiy F. N., Semenov-Tyan-Shanskiy V. P. Russian Altai. In: *Altay v trudakh uchenykh i puteshestvennikov XVIII — nachala XX vekov [Altai in the Works of Scientists and Travellers of the 18th and the Beginning of the 20th Centuries]*. Barnaul, 2005, vol. 1, pp. 372–434. (In Russ.)
2. Bogumil T. A., Kulyapin A. I., Khudenko E. A. *Geopoetika V. M. Shukshina [V. M. Shukshin’s Geopoetics]*. Barnaul, Altai State Pedagogical University Publ., 2017. 176 p. (In Russ.)
3. Bondareva A. Literature of Wanderings. In: *Oktyabr’*, 2012, no. 7. Available at: <http://magazines.russ.ru/october/2012/7/bo18.html> (accessed on May 10, 2018). (In Russ.)
4. Gorn V. F. *Kharaktery Vasiliya Shukshina [The Characters of Vasily Shukshin]*. Barnaul, Altayskoe knizhnoe izdatel’stvo Publ., 1981. 247 p. (In Russ.)
5. Kationov O. N. *Moskovsko-Sibirskiy trakt i ego zhiteli v XVII–XIX vv. [The Moscow-Siberian Tract and Its Inhabitants in the 17th–19th Centuries]*. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University Publ., 2004. 568 p. (In Russ.)

6. Kulyapin A. I. The Motif of the Taming of a Wild Horse in Russian Literature of the 20th Century. In: *Russkaya slovesnost' v Rossii i Kazakhstane: aspekty integratsii* [Russian Literature in Russia and Kazakhstan: Aspects of Integration]. Barnaul, Altai State Pedagogical University Publ., 2013, pp. 286–291. (In Russ.)
7. Kulyapin A. I. *Semiotika khudozhestvennogo prostranstva V. M. Shukshina* [The Semiotics of the Artistic Space of V. M. Shukshin]. Barnaul, Altai State Pedagogical University Publ., 2016. 160 p. (In Russ.)
8. Levkievskaya E. E. The Road. In: *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar': v 5 tomakh* [Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary: in 5 Vols]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1999, vol. 2, pp. 124–129. (In Russ.)
9. Lotman Yu. M. An Artistic Space in the Prose of N. V. Gogol. In: *Lotman Yu. M. O russkoy literature* [Lotman Yu. M. About Russian Literature]. St. Petersburg, Iskustvo-SPb Publ., 1997, pp. 621–658. (In Russ.)
10. Markina P. V. The Mythopoetics of V. Ya. Shishkov's Travel Essays "On the Chuya Highway". In: *Rusistika i sovremennost': v 2 tomakh* [Russian Studies and Modernity: in 2 Vols]. Astana, L. N. Gumilyov Eurasian National University Publ., 2016, vol. 2, pp. 318–323. (In Russ.)
11. Mar'in D. V. The Genre Elements of the Western in "Altai" Short Stories by M. I. Veller. In: *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2017, no. 4, pp. 135–141. (In Russ.)
12. Molchanova O. T. *Toponimicheskiy slovar' Gornogo Altaya* [The Toponymic Dictionary of the Altai Mountains]. Gorno-Altaysk, Altayskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1979. 395 p. (In Russ.)
13. Nevskaya L. G. The Semantics of the Road and the Related Representations Ideas in Funeral Folklore. In: *Struktura teksta* [Text Structure]. Moscow, 1980, pp. 228–239. (In Russ.)
14. Neyolov E. M. *Volshebno-skazochnye korni nauchnoy fantastiki* [The Magical Fairy Tale Roots of Science Fiction]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1986. 200 p. (In Russ.)
15. Neklyudov S. Yu. The Movement and the Road in Folklore. In: *Die Welt der Slaven. Internationale Halbjahresschrift für Slavistik*. Munich, 2007, vol. 52, issue 2, pp. 206–222. (In Russ.)
16. Pantyukhov I. First of All He Was a Poet...: Interview. In: *Altayskoe leto poeta Nikolaya Rubtsova* [Altai Summer of the Poet Nikolai Rubtsov]. Barnaul, 2011, pp. 56–60. (In Russ.)
17. Podrezov M. V. The History of the Chuya Highway: Review of the Main Literature. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2017, no. 414, pp. 103–107. (In Russ.)
18. Propp V. Ya. *Istoricheskie korni volshebnoy skazki* [Historical Roots of the Magic Fairy Tale]. Moscow, Labirint Publ., 2000. 336 p. (In Russ.)
19. Red'kin V. A. *Vyacheslav Shishkov: novyy vzglyad: ocherk tvorchestva V. Ya. Shishkova* [Vyacheslav Shishkov: A New View: Essay on the Writings of V. Ya. Shishkov]. Tver', Tverskoe oblastnoe knizhno-zhurnal'noe izdatel'stvo Publ., 1999. 152 p. (In Russ.)

20. Skubach O. A. To the Semantics of the Image of the Hero-Traveler in V. M. Shukshin's Works. In: *Tvorchestvo V. M. Shukshina kak tselostnost'* [V. M. Shukshin's Works as Integrity]. Barnaul, 1998, pp. 55–59. (In Russ.)
21. Startsev A. There Is a Road over Chuya River... In: *Chuyskiy trakt* [The Chuya Highway], 2006, no. 1, pp. 8–11. (In Russ.)
22. Shchepanskaya T. B. *Kul'tura dorogi v russkoy miforitual'noy traditsii XIX–XX vv.* [The Culture of the Road in Russian Mythological Tradition of the 19th–20th Centuries]. Moscow, Indrik Publ., 2003. 528 p. (In Russ.)
23. Yanovskiy N. N. *Vyacheslav Shishkov: ocherk tvorchestva* [Vyacheslav Shishkov: Essay on His Works]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1984. 270 p. (In Russ.)

Information about the author: *Bogumil Tatiana A.* — PhD. in Philology, Associate Professor of the Department of Literature of Altai State Pedagogical University.

Received: July 04, 2018

Date of publication: October 1, 2018